

УДК 82.091

К ГЕОПОЭТИКЕ ГОРОДА К.: ОПТИКИ ЧУВСТВОВАНИЯ

Т. В. Цвигун¹, А. Н. Черняков¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 12.09.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-8

Статья посвящена исследованию литературных репрезентаций «кёнигсбергско-калининградского текста» в аспекте геопоэтики. На примере анализа описаний Кёнигсберга-Калининграда в мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» А. Т. Болотова, стихотворении И. А. Бродского «Einest alten Architekten in Rom» и романе Ю. В. Буйды «Кёнигсберг» характеризуются авторские оптики сенсорного восприятия города и устанавливается их взаимосвязь с вне-литературными метапозициями авторов. Доказывается, что основу описания Кёнигсберга в мемуарах А. Т. Болотова составляет детальное картирование города, на которое накладывается оптика «удивления», результатом чего становится эмоциональное «о-своение» чужого пространства. Поэтическая оптика, характерная для стихотворения И. А. Бродского, интерпретируется как движение от «зрения» к «умозрению»: осуществляя мысленное путешествие по Кёнигсбергу, поэт совершает переход от сенсорного (зрительного, слухового) восприятия города к пониманию его нематериальной, ноуменальной сущности. Для Ю. В. Буйды пространство Кёнигсберга-Калининграда связано с идеей строительства мифа: используя в своем тексте сдвиг от реального Калининграда к воображаемому Кёнигсбергу, автор восстанавливает семиотическую неполноту города как знака. На основании сопоставления трех оптик чувствования делается вывод о том, что восприятие и понимание Города К. сопряжено для разных авторов с его преодолением в диапазоне от персонализации материальной сущности Города до выхода за его материальность к Городу как ноумену, «вещи-в-себе».

Ключевые слова: локальный текст, геопоэтика, нарративные оптики, Кёнигсберг, Калининград

Идея о существовании в культуре особой семиотической метаструктуры (сверхтекста, или X-Текста в терминологии Московской семиотической школы), которая по аналогии с «петербургским» или «московским» текстами может быть обозначена как «кёнигсбергский текст», принадлежит поэту и литературоведу Томасу Венцлове, концептуализировавшему ее на основании анализа стихотворений Иосифа Бродского и ряда тематически близких текстов (Венцлова, 2012). Принципиальная правомерность и востребованность описания Кёнигсберга-Калининграда в парадигматике «локальных текстов» определяется не только тем, что данная территория на протяжении многих веков была пло-

щадкой для диалога ряда национальных культур и литератур (немецкой, литовской, польской, русской и др.), которые создали множество репрезентаций и интерпретаций идентичности этого локуса, но и известной трудноуловимостью и дискуссионностью концептуальных оснований, которые могут быть положены в основание «текста Города К.». В качестве таковых исследователи называют «память о Канте», топос инициации и цивилизационную пограничность (Венцлова, 2012), «эпицентр антропологического катаклизма» и «танатологический драматизм, свойственный всякой пограничной ситуации» (Гильманов, 2010, с. 7–8), «осмысление / переживание исторических и социокультурных реалий: притяжение / противостояние “чужой” и “своей” истории, “чужого” прошлого и “своего” настоящего, города-двойника, “города-призрака” Кёнигсберга и современного Калининграда» (Гаврилина, 2011, с. 81) и др.; этот ряд очевидным образом может быть продолжен и расширен.

Одним из вариантов описания глубинных механизмов литературного субстрата «кёнигсбергско-калининградского текста» во всем многообразии его частных репрезентаций представляется рассмотрение данного феномена сквозь призму геопоэтики. Согласно определению Д. Н. Замятина, геопоэтика есть «некий аутопойэсис земного пространства, то есть — видение себя внутри пространства. Ощущение себя не просто внутри некоего места, но попытка войти в какое-то пространство, ощутить свою творческую точку в этом пространстве» (Замятин, 2013, с. 154). Другая аналитическая установка, которой мы будем придерживаться в данной статье, — тезис Эльжбеты Рыбицкой о том, что «рамки перцепции обусловлены не только биологически, культурно и исторически, но и географически. Специфические пейзажные формации (горы, моря, пустыни, долины, озера и т. д.), а также регионы и места связаны с особыми и узнаваемыми сенсорными ощущениями, которые могут создавать территориальную идентичность данных областей» (Rybicka, 2014, s. 248). С этих позиций мы рассмотрим три фрагмента «текста Города К.» с целью реконструировать те сенсорные оптики, или оптики чувствования, экспликацией которых служат разные описания Кёнигсберга-Калининграда.

Оптика первая: от карты к эмоции

«Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» А. Т. Болотова и «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина положили начало изображению Кёнигсберга в русской литературе; примечательно, что опыт литературной фиксации Города К. впоследствии прервется почти на два столетия, несмотря на то что в XIX — начале XX века через Кёнигсберг лежал путь в Европу достаточно большого числа русских литераторов. Обстоятельства пребывания Карамзина и Болотова в Кёнигсберге существенно разнятся: если для Карамзина это был лишь один из пунктов его европейского путешествия, то у Болотова кёнигсбергский эпизод его биографии связан с участием в Семилетней войне — он был свидетелем сражения при

Гросс-Егерсдорфе, а с 1758 по 1762 год полуофициально (см.: Милютин, 2020) служил переводчиком при губернаторской канцелярии. Вероятно, длительность пребывания Болотова в Кёнигсберге стала основной причиной того, что он «описал город несравненно подробнее, хотя и с меньшим литературным блеском» (Венцлова, 2012, с. 237), нежели Карамзин; но именно сопоставление этих двух литературных оптик показывает, как видит «чужой» город русский писатель-путешественник XVIII века.

При том что репрезентациям Кёнигсберга в болотовских «Жизни и приключениях...» отведено достаточно большое место, отдельного внимания заслуживает Письмо 60-е, целиком посвященное описанию города. Уже в первых строках этого фрагмента вполне отчетливо проступает тот ментальный и оптический фокус, который избирает Болотов для изображения «столичного прусского города», — взгляд на Кёнигсберг сквозь призму Петербурга, две характерные черты которого, «столичность» и принадлежность водной стихии, маркируют собой Кёнигсберг, ср.: «Город сей лежит *посреди всего королевства прусского и может почестся приморским, ибо хотя стоит он не подле самого моря и открытое Балтийское море от него не ближе семидесяти верст, но как между оным морем и находится узкий и предлинный залив, называемый Фрижским Гафом, и в сей залив впадает река Прегель, от устья которой неподалеку Кенигсберг на берегах оной воздвигнут*, река же сия довольно глубока, то и пользуется он тою выгодою, что все морские купеческие суда и галиоты доходят помянутым гафом и рекою до самого оною и тут производят свою коммерцию или торговлю» (Болотов, 2022, с. 151)¹. При этом единство стихий воды и камня, также роднящее Кёнигсберг с Петербургом, в болотовской оптике подвергается своего рода спецификации: если Прегель и заливы связываются им в первую очередь с функциями Кёнигсберга как торгового города, то камень — это прежде всего бастионы; впрочем, несмотря на наличие укреплений, «почестся может он (город. — Т.Ц., А.Ч.) более открытым купеческим и торговым городом, нежели крепостью» (с. 152). Хотя следов присутствия Петербурга в Кёнигсберге не так уж много, они оказывают непосредственное воздействие на то, как русский человек «читает» заграничный город. Так, в описании Кёнигсбергского замка Болотов специально обращает внимание на отделку стен «старинными ткаными обоями, которые находились еще в то время, когда в оных приниман был государь Петр I, когда он путешествовал с Лефортом по разным землям в посольской свите» (с. 153), а пересекающую Кнайпхоф улицу «длинную Кнейпгофскую», словно бы осуществляя транспозицию Петербурга в Кёнигсберг, «наши прозвали Миллионною», поскольку «название улицы сей и не неприлично, потому что из кушцов, живущих на ней, есть многие миллионщики и улицу сию можно почесть наилучшею и богатейшею во всем городе» (с. 158).

Описание Кёнигсберга у Болотова строится по принципу карты, взгляд на которую меняется в своей фокусировке. Общий план города,

¹ Далее текст А. Т. Болотова цитируется по данному изданию с указанием страниц. Во всех цитатах курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.

территориальной осью которого служит река Прегель («Помянутая река протекает сквозь самый сей город, и как она в самом том месте, где он построен, разделившись на многие рукава, произвела несколько обширных и больших островов... Самые же ближние к городу острова заняты разными городскими строениями, и из них в особенности замечания достоин обширный и посреди самого города находящийся круглый остров», с. 151–152), Болотов последовательно локализует («Что касается до внутренности сего города, то она разделяется сперва на самый город и на несколько обширных форштатов, кои, однако, не отделены от города никакою особою стеною, но совокупно с ним окружены вышеупомянутым земляным валом...», с. 152), чтобы далее перейти к детализированному описанию «трех главных отделений, или частей» — «Альтштата», «Кнейпгофа» и «Лебенихта». Основными точками фокусировки этого взгляда служат как отдельные достопримечательности города (замок и библиотека в нем, площади, церкви, сад Сатургуса и др.), так и — в большей степени — «рядовые» топографические объекты: улицы, расположение и высота домов, устройство «форштатов» и т. п.; все это дает читателю достаточно подробное и объективированное представление о Кёнигсберге, которое рождается через нарративизацию движения по городу. Благодаря такой скрупулезной фактографической и топографической точности болотовское описание города вполне могло бы служить путеводителем для виртуальной (а для современников писателя и реальной) экскурсии по Кёнигсбергу второй половины XVIII века.

И все же, несмотря на как будто бы подчеркнутую остраненность и нейтральность нарратива, эта карта отмечена достаточно высокой степенью присутствия авторского «я». Описание Кёнигсберга дается у Болотова в оптике «примечательного», особую часть которой составляют, условно говоря, «точки удивления» — все то, что кажется русскому человеку чужим, непонятным, необычным; и в итоге сквозь «карту территории» постепенно прорастает «карта чувствования». Удивление от города прочитывается у Болотова уже в самом обилии суперлативов: дома на улицах Кёнигсберга «сплощены между собою *наитеснейшим* образом» (с. 153), замок является «*наизнаменительшим* из всех в Кенигсберге находящихся зданий» (с. 153), башня замка — «*превысочайшая* и *претолстая*» (с. 154), идущая от замка улица «знаменита тем, что на оной стоят *наилучшие* и *огромнейшие* каменные дома» (с. 156), Французская улица возведена на «*преширокой* плотине одного *предлинного* и *преширокого* пруда посреди города» (с. 156) и т. д. Само описание кёнигсбергских объектов имеет у Болотова точкой отсчета и мерилем оценки их «примечательность»: более других «примечания достойны» «биржа, построенная на берегу подле зеленого подъемного моста», «публичная и старинная библиотека» в замке, устройство крылец домов на «Кнейпгофской, или Миллионной, улице», сады и дворянские дома «Розгартенского форштата», в то время как Лебенихт — это часть города, «всех прочих (менее) примечания достойна» (с. 159). Отдельного удивления в библиотеке замка заслуживает не только ее богатство и древность книг, но и то, что книги здесь «прикованы к полкам на длинных железных

цепочках на тот конец, дабы всякому можно было их с полки снять и по желанию рассматривать и читать, а похитить и с собою унести было б не можно» (с. 155); обыкновение проводить на городской площади торги по выходным дням «показалось нам сначала очень странно, но после не могли мы тем довольно налюбоваться» (с. 157); городскую ратушу охраняют «несколько десятков человек городских престарелых солдат, которых особливому и смешному мундиру мы довольно насмеяться не могли» (с. 157).

Картографический характер болотовской оптики становится особенно отчетливым, если сравнить его с описанием Кёнигсберга, которое дает в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин. Если Кёнигсберг Болотова — это в первую очередь *территория*, вызывающая эмоции и требующая вербальной репрезентации, то Кёнигсберг Карамзина есть прежде всего *люди* (точнее, *один человек*) и *культура*. Первое — это, конечно же, Кант, встрече и беседе с которым Карамзин посвящает почти половину своего письма от 19 июня 1789 года, и «молодой француз, который называет себя искусным зубным лекарем» (Карамзин, 1964, с. 103), второе — кёнигсбергский кафедральный собор, который своим величием вызывает мысли о «мрачных веках варварства и героизма» (с. 102), и замок с *Московской залой* («будто для того, что тут некогда сидели русские пленники; но это не очень вероятно», с. 104) и «изрядными садами»; все остальное — лишь краткое упоминание о том, что «Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст» и «вообще Кенигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы» (с. 99), и отдельные краткие замечания о кёнигсбергском гарнизоне. Возможно предположить, что разница этих двух описаний определяется не только разной степенью длительности погружения двух авторов в Кёнигсберг, о чем было сказано выше, но и тем, что в противоположность *писателю* Карамзину, для которого *genius loci* определяется уникальностью людей и культуры, сопричастных этому месту, Болотов выступает в своих мемуарах скорее как *естествоиспытатель*, ведущий объективное и подробное (пусть и пропущенное сквозь личностную призму) наблюдение окружающего его мира и заботящийся о том, чтобы репрезентация фрагментов этого мира была донесена до читателя наиболее точно.

Оптика вторая: зрение — умозрение — поэзис

Формулу «Город К.» как символическое обозначение единой судьбы Кёнигсберга-Калининграда, несмотря на ее кажущуюся очевидность, принято связывать с именем Иосифа Бродского, в частности с заглавием стихотворения 1968 г. «Открытка из города К.». Томас Венцлова приводит неопубликованные комментарии Льва Лосева, в которых данная формула возводится к литературной игре на инициальной литере двух имен этого города, а также к упоминанию «Города К.» у Гофмана; к этому наблюдению Венцлова добавляет возможность еще одной — принципиально важной для логики нашего исследования — интерпретации: «Кёнигсберг, превращенный в руины, лишился при-

мет, стал анонимным, оказался сведенным к одной-единственной букве» (Венцлова, 2012, с. 243). На руинизированное состояние Калининграда в момент посещения города Бродским Венцлова обращает особое внимание в интервью О. Щеблыкину: «Руины были крайне мрачные. <...> Когда мы приезжали в Кенигсберг (sic! — Т. Ц., А. Ч.), мы не знали, что есть целые кварталы, которые сохранились. <...> Мы видели только самый центр. Вокруг замка, вокруг собора. <...> Бродский это очень тонко чувствовал» (Щеблыкин, 2008, с. 43–44).

Известно, что Бродский дважды посещал Калининградскую область: в 1963 году он приезжал в Балтийск в командировку от журнала «Костер», а в 1968 году, согласно свидетельству Венцловой, — на однодневную экскурсию в Калининград во время пребывания в Паланге (Венцлова, 2012, с. 241; Щеблыкин, 2008, с. 43). Важным обстоятельством данного сюжета является то, что все три «кёнигсбергских» стихотворения Бродского — «Отрывок», «Einem alten Architekten in Rom» и «Открытка из города К.» — были написаны поэтом уже после отъезда из Калининграда, в ссылке и после нее, то есть в самом акте их творения фактически осуществляется временная рекурсия: описываемое как «здесь и сейчас» на самом деле оказывается ментальной реконструкцией «там и тогда», а оптика зрения оборачивается оптикой умозрения. Рассмотрим, как осуществляется такая рекурсия, на примере стихотворения «Einem alten Architekten in Rom».

Уже в первых двух стихах первой из четырнадцати строк Бродский задает значимый фокус репрезентации Города К., который представляет собой триединство оптики движения, мотива путешествия в мир теней и условной модальности как прагмасемантической рамки такого движения-путешествия; здесь же появляются характерный для топики Города К. мотив влаги и первое из двух присутствующих в тексте упоминаний Кёнигсберга: «В коляску — если только тень / действительно способна сесть в коляску / (особенно в такой дождливый день), / и если призрак переносит тряску, / и если лошадь упряжи не рвет — / в коляску, под зонтом, без верха, / мы молча взгромоздимся и вперед / покатым по кварталам Кенигсберга» (Бродский, 1992, с. 393)². Интересно отметить, что влекомая лошадью анахронистическая коляска — в противоположность возникающему далее в тексте *трамваю* — уже сама по себе метонимически маркирует смещение временного плана в прошлое; и тем парадоксальнее оказывается движение нерастождествимого *зрения-слуха* «по кварталам Кенигсберга», реализованное в следующей строфе в плане грамматического настоящего времени: «Дождь щиплет камни, листья, край волны. / Дразня язык, бормочет речка смутно, / чьи рыбки навсегда оглушены, / с перил моста *взирают* вниз... / ... / Блестит кольчугой голавель стальной. / Деревья что-то *шепчут по-немецки*» (Там же).

Доминанта визуально-аудиальной сенсорики путешествия в Кёнигсберг, далее, усиливается упоминанием «сверхзоркого Цейса», вручаемого вознице, а коляска уступает место другому транспортному средст-

² Далее стихотворение И. Бродского цитируется по данному изданию с указанием страниц. Во всех цитатах курсив наш. — Т. Ц., А. Ч.

ву — трамваю, который вполне по-гумилевски «бежит в свой миллионный рейс», теряясь в пространстве и времени³. Здесь, в третьей строфе, Бродский впервые вводит в текст мотив «обратного зрения»: уже не только неназванный обобщенно-личный субъект смотрит на город, но — сам город сквозь трамвайное стекло смотрит на себя: «И, наклонясь — как в зеркало — с холмов / развалины глядят в окно вагона» (с. 393). Оптика руинированного/руинизирующего зрения поддерживается в следующей строфе длинным рядом объектов, проносящихся мимо движущейся коляски (или трамвая?): «Трепещут робко лепестки травы. / Атланты, нимбы, голубки, голубки, / аканты, нимфы, купидоны, львы⁴ / смущенно прячут за собой обрубки» (с. 394), а в пятой строфе в нее неожиданно втягиваются приметы уже не Кёнигсберга, а Калининграда — «юный археолог», который «черепки / сыпает в капюшон пятнистой куртки» и «скромный бюст Суворова», стоящий «среди руин больших».

Очередное сме(ш/щ)ение временных планов наблюдается в шестой строфе, где воспоминание о «пире бомбардировщиков» («Пир... пир бомбардировщиков утих») сопряжено с образом марта, смывающего «хлопья сажи» с порталов, который, в свою очередь, рождает мысль о возможности отыскать счастье «под четвертичной пеленой осколков». Весна в следующих двух строфах не просто открывает начало новой жизни («Клен выпускает первый клейкий лист»), в том числе наполняя ею руинированный мир («В соборе слышен пилорамы свист») — она дает ту самую необходимую смену фокуса, когда взгляд в себя («Весна глядит сквозь окна на себя / и узнает себя, конечно, сразу», с. 395) пробуждает переход от зрения/видимого к умозрению/воображаемому, которое, в свою очередь, и есть подлинное бытие: «И зреньем наделяет тут судьба / все то, что недоступно глазу. / И жизнь бушует с двух сторон стены, / лишенная лица и черт гранита; / глядит вперед, поскольку нет спины. / Хотя теней в кустах битком набито» (Там же).

Полный и окончательный переход от зрения к умозрению (а от него — к про-зрению подлинной сути мира, скрывающегося за руиной) требует иного условия — признать себя не тенью, но «живой плотью»: «Но если ты не призрак, если ты / живая плоть, возьми урок с натуры / и,

³ Не останавливаясь на данном вопросе подробно, отметим, что в общем контексте стихотворения Бродского оба транспортных средства — и коляска, и трамвай — вполне могут быть рассмотрены и как метапоэтические образы, метафоры «перенесения» (ср. схожую ситуацию в пастернаковском «Феврале») из реального мира в мир воображаемый / мир творчества. О глубинной семантике трамвая в русской литературе см.: (Тименчик, 1987); о метапоэтическом потенциале образов транспортных средств на примере семиотики поезда см.: (Муратова, Жиличева, 2022).

⁴ Этот ряд очевидно вызывает в памяти пушкинское иконическое изображение быстрого смещения фокуса при движении в строфе XXXVIII главы VII «Евгения Онегина»: «... вот уж по Тверской / Возок несется чрез ухабы. / Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Дворцы, сады, монастыри, / Бухарцы, сани, огороды, / Купцы, лачужки, мужики, / Бульвары, башни, казаки, / Аптеки, магазины моды, / Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах».

срисовав такой пейзаж в листы, / своей душе *ищи другой структуры*) (Там же). Только такое видение мира, по Бродскому, позволяет отбросить «кирпич, цемент, гранит», ощутить, как «меж чувств твоих провал / начнет зиять», чтобы вздрогнуть, «расслышав возглас: "милый!"». Это новое состояние мира являет себя уже не через зрение, а через слух — в чирикание «птички», открывающем путь в подлинный Кёнигсберг («и в силу грусти, а верней, привычки / увидишь в тонких прутьях Кенигсберга»), а через него — в стихию слова: «Когда вокруг — лишь кирпичи и щебень, / предметов нет, и только есть слова. / Но нету уст. И раздаётся щебет»⁵. Щебет скворца — это напряжение между *Ich liebe dich!* и *Ich sterbe!*, любовью и смертью. Кёнигсберг, доступный зрению, окончательно развоплощается («Постромки — в ключья... лошадь где?.. Подков / не слышен стук... Петля там, в руинах, / коляска катит меж пустых холмов...», с. 396), уступая место *эйдосу* Кёнигсберга, *мысли* о Кёнигсберге, а точнее — *слову* о нем. Так в тексте Города К. у Бродского неожиданно проявляет себя третья ипостась его инициала — Кант с его учением о трансцендентности мира «вещей-в-себе», проявляющихся в эмпирических феноменах, но к ним несводимых.

Оптика третья: (ре)конструкция означаемых

Анализ различных оптик репрезентации Города К. в литературе завершим рассмотрением некоторых фрагментов творчества писателя, чью позицию можно определить как автохтонную. Речь идет о Юрии Буйде, уроженце поселка Знаменск Калининградской области, авторе «романа в рассказах» «Прусская невеста» и романа «Кёнигсберг».

Исходная принадлежность топосу Города К. и особая логика чувствования его символической территории становится у Буйды предметом культурно-философской рефлексии, реализованной в небарочном (см.: Ченис, 2021) и неомифологическом ключе. Символическим выражением этого чувствования выступает образ «прусской невесты», «не чужой, но и не жены» (Буйда, 2015, с. 9), на вечное разгадывание тайны которой, по Буйде, обречен житель Калининградской области. Онтологический разрыв, в котором существует человек, живущий на территории бывшей Восточной Пруссии, определяется тем, что это «человек без ключа, иной породы, иной крови, языка и веры» (Там же, с. 8); будучи волею судеб сопричастен «чужой» истории, он не имеет «иного способа постижения этого мира, кроме *сочинения этого мира*» (Там же, с. 7. Курсив здесь и далее наш. — Т.Ц., А.Ч.). Для человека, родившегося и выросшего в городке, который «когда-то назывался не Знаменском, а Велау», кто «с детства привык к тому, что улицы должны быть мощены булыжником или кирпичом и окаймлены тротуарами...

⁵ Как замечает, комментируя Бродского, У. Блэйкер, «в Калининграде нет губ, чтобы произнести эти слова, чтобы заговорить об исчезнувшем городе: память и слова, которые ее несут, словно дремлют среди руин, независимые от индивидуальных или коллективных субъектов, ожидая, чтобы их вновь открыли и артикулировали» (Blacker, 2015, p. 613).

к островерхим черепичным крышам... к морю, чьи плоские воды незаметно переходят в плоский берег» (Буйда, 2015, с. 7), осмысление окружающего его мира возможно только через акт его — мира — сотворения: «И ребенок начинал сочинять, собирая осколки той жизни, которые силой его воображения складывались в некую картину... Это было *творение мифа*» (Там же, с. 8).

Особое семиотическое напряжение между реальностью и мифом, фактуальным и воображаемым определяет художественную стратегию репрезентации Города К. в романе Буйды «Кёнигсберг». В авантюрный квазиавтобиографический сюжет (см. подробнее: Черняков, 2014) здесь вписаны философские рефлексии о призрачной, «межмирной» природе города с двумя именами, в котором сквозь вполне реалистический Калининград с его узнаваемой топографией просвечивает воображаемый Кёнигсберг. В такой художественной логике Калининград — это означающее Кёнигсберга, однако весь парадокс заключается в том, что его означаемое отсутствует в эмпирической реальности, оно может быть лишь воображаемым, (ре)конструируемым: «Мы говорим: а вот при немцах было так-то и так-то, — хотя никто не знает, как было в действительности при немцах. Мечта. Почти реальность, потому что те же крыши, те же водопроводные краны, та же узкая европейская трамвайная колея... Некое пространство без земли и неба, но с реальными координатами... Кёнигсберг — нечто среднее между непознанным и непознаваемым» (Буйда, 2003). Чувствование этого города для нарратора представляет собой опыт особого «всматривания», стереоскопического зрения, при котором один и тот же объект в один и тот же момент времени принадлежит разным историческим эпохам: «Я любил приходиться сюда дождливыми осенними вечерами. Садился на лавочку и подолгу курил, глядя на Кафедральный собор и стоявшую на другом берегу ганзейскую Биржу, что встречала гостей Дома культуры моряков⁶ широким лестничным маршем и двумя львами, державшими в лапах рыцарские щиты» (Там же).

Приведем показательный пример подобной нарративной оптики:

Нет ничего тоскливее, чем слякотная, промозглая, тухлая зима в Калининграде. Но нет ничего прекраснее, светлее, головокружительнее, чем зимняя ночь в Кёнигсберге, да еще безветренная и со свежим снегом, вдруг повалившимся с темных небес, когда мы с Конем — пальто нарасташку — вышли из ресторана. <...> На улицах еще не улеглась предпраздничная беготня, но снег и тьма, свет множества фонарей и окон, звезд и автомобильных фар сделали свое дело: привычный кошмар нового города стремительно угасал, уступая место древнему, устоявшемуся, иллюзорному, но оттого еще более привлекательному и неожиданному и незнакомому чувству, которое забирало душу при виде этих островерхих черепичных крыш, узких улочек, вымощенных плоским булыжником, фахверковых домов, — мы вышли в широкий створ между Домом профсоюзов и створившейся гостиницей, и сквозь снежную мглу, ко-

⁶ Калининградский Дом культуры моряков располагался в здании бывшей кёнигсбергской Фондовой биржи (в настоящее время там находится Калининградский музей изобразительных искусств).

лыхавиющуюся тяжело и торжественно, как на похоронах, навстречу нам всплыл из поймы Преголи Кафедральный собор, убожество которого – руина и руина – тонуло в наступающей ночи, скрадывалось оптикой, размытой русским снегопадом (Буйда, 2003).

«Оптика, размытая русским снегопадом», скрывает у Буйды мастерский обман читательского восприятия, который можно вскрыть только в одном случае: если мысленно перенестись на Ленинский проспект Калининграда примерно в его пересечении с нынешними улицами Шевченко и Вагнера – отсюда, из «широкого створа между Домом профсоюзов и строившейся гостиницей», герои смотрят на руину Кафедрального собора. Парадокс, однако, состоит в том, что «островерхих черепичных крыш, узких улочек, вымощенных плоским булыжником, фахверковых домов», при виде которых возникает «привлекательное и неожиданное и незнакомое чувство», при данном ракурсе взгляда в Калининграде увидеть невозможно: их нет – но их вполне возможно увидеть в планировке кёнигсбергского Кнайпхофа, острова, на котором располагался Кафедральный собор и который столь осязаемо видит нарратор сквозь пелену «русского снегопада». Этот кёнигсбергский ландшафт и есть то (ре)конструируемое означаемое Города К., которое никогда не было доступно физическому зрению человека, родившегося в послевоенной Калининградской области, но становится доступно зрению мысленному в акте «собираения мифа».

***

Рассмотренные оптики сенсорной репрезентации Города К. показывают прямую зависимость чувствования Кёнигсберга-Калининграда от той внелитературной метапозиции, которую занимают три автора – Андрей Болотов, Иосиф Бродский и Юрий Буйда. Вместе с тем их соположение еще раз убеждает в том, что само соприкосновение с этим сложным и парадоксальным топосом неизбежно строится на попытке – более или менее сложной – «о-своить» Город К., вывести его из модуса собственно визуального восприятия в ментальный план в диапазоне от «понимаемого» и «принимаемого» до «прозреваемого» или «воображаемого». Сам опыт чувствования Города К. так или иначе сопряжен для человека с его преодолением, будь то простая персонализация его материальной сущности либо выход за ее пределы к Городу как ноумену, «вещи-в-себе», скрытой за руиной или обликом современного городского пространства.

Список литературы

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1757–1762. Т. 2, кн. 1 : Текст / сост. А.Ю. Веселова, М.П. Милютин. СПб., 2022.

Бродский И. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / сост. В.И. Уфлянд. Минск, 1992. Т. 1.

Буйда Ю. Кёнигсберг // Новый мир. 2003. №7. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/7/kyonigsberg.html (дата обращения: 05.09.2022).

Буйда Ю. Прусская невеста: роман в рассказах. М., 2015.

Венцлова Т. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012. С. 235–254.

Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2011. Вып. 6. С. 75–83.

Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: «кёнигсбергский текст» как предмет художественного опыта: учеб. пособие. Калининград, 2010.

Замятин Д. Н. Метагеография и геопоэтика // Введение в геопоэтику: антология / сост. И. Сид. М., 2013. С. 154–157.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1. С. 77–604.

Милотин М. П. К вопросу о служебном положении А. Т. Болотова в Кёнигсберге // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 96–104.

Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедийный и метапоэтический аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, №1. С. 50–59.

Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Символ в системе культуры [Труды по знаковым системам ХХ]. Тарту, 1987. С. 135–143.

Ченис Т. Неobarочные элементы поэтики Юрия Буйды // Практики и интерпретации. 2021. Т. 6, №4. С. 92–123.

Черняков А. Н. Из города в миф («Кёнигсберг» Юрия Буйды) // Слово.ру: балтийский акцент. 2014. Т. 5, №2. С. 52–62.

Щеблыкин О. Писатели имеют свою судьбу: интервью с Томасом Венцловой // Мир Иосифа Бродского. Поэт в закрытом гарнизоне / сост. О. Щеблыкин. СПб., 2008. С. 40–50.

Blacker U. Writing from the Ruins of Europe: Representing Kaliningrad in Russian Literature from Brodsky to Buida // The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93, №4. P. 601–625.

Rybicka E. Geopoetyka: Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich. Kraków, 2014.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигун Т. В., Черняков А. Н. К геопоэтике города К.: оптики чувствования // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №4. С. 111–123. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-8.

THE GEOPOETICS OF THE CITY K.: THE OPTICS OF PERCEPTION

T. V. Tsvigun, A. N. Chernyakov

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Alexandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received on September 12, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-8

This article is a study of literary representations of the text 'Königsberg-Kaliningrad' analysed from the point of view of geopoetics. Based on the descriptions of Königsberg-Kaliningrad in Bolotov's memoirs "Life and adventures of Andrey Bolotov, described by himself for his descendants", Brodsky's poem "Einem alten Architekten in Rom" and the novel "Königsberg" by Buida, the authors explore the sensorial perception of the city by the writers and establish its correlation with the extraliterary metapositions reflected in their texts. It is argued that the basis of the description of Königsberg in Bolotov's memoirs is a detailed mapping of the city, interwoven with a feeling of surprise, which results in an emotional discovery of the unfamiliar space. Brodsky's poetic optics is interpreted as a transition from 'vision' to 'speculation': an imaginary tour of Königsberg leads the poet from the sensory (visual and aural) perception of the city to the understanding of its non-material, spiritual and noumenal essence. Buida associates the space of Königsberg and Kaliningrad with the idea of myth construction. Shifting from the real Kaliningrad to the imaginary Königsberg, the author fills in the semiotic incompleteness of the city as a sign. Based on the comparison of the three types of perception, it is concluded that for different authors, the perception and the understanding of the city K. is associated with its transcendence from the personalization of the material essence of the city to the transition beyond the material, to the city as a noumenon, a thing-in-itself.

Keywords: local text, geopoetics, narrative optics, Königsberg, Kaliningrad

References

- Blacker, U., 2015. Writing from the Ruins of Europe: Representing Kaliningrad in Russian Literature from Brodsky to Buida. *The Slavonic and East European Review*, 93 (4), pp. 601 – 625.
- Bolotov, A. T., 2022. *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1757 – 1762* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants. 1757 – 1762]. Vol. 2, book 1. St. Petersburg (in Russ.).
- Brodsky, I., 1992. *Forma vremeni: stikhotovoreniya, esse, p'esy v dvukh tomakh* [The form of time: poems, essays, plays in two volumes], Vol. 1. Minsk (in Russ.).
- Buida, Yu., 2003. Königsberg. *Novyi mir* [A new world], 7. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/7/kyonigsberg.html [Accessed 5 September 2022] (in Russ.).
- Buida, Yu., 2015. *Prusskaya nevesta: roman v rasskazakh* [The Prussian Bride: a novel in short stories]. Moscow (in Russ.).
- Genis, Th., 2021. Neo-Baroque Elements of Yury Buida's Poetics. *Praktiki i interpretatsii* [Practices & Interpretations], 6 (4), pp. 92 – 123 (in Russ.).
- Chernyakov, A. N., 2014. From a City to the Myth (Yu. Buida's Königsberg). *Slovo.ru: baltic accent*, 5 (2), pp. 52 – 62 (in Russ.).
- Gavrilina, L. M., 2011. Kaliningrad text in the semiotic space of culture. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 6, pp. 75 – 83 (in Russ.).

Gilmanov, V. Kh., 2010. *Problemy regional'noi literatury: «kenigsbergskii tekst» kak predmet khudozhestvennogo opyta* [Problems of regional literature: “the Koenigsberg text” as a subject of artistic experience]. Kaliningrad (in Russ.).

Karamzin, N.M., 1964. Letters of a Russian traveler. In: *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes], Vol. 1. Moscow; Leningrad, pp. 77–604 (in Russ.).

Miliutin, M.P., 2020. On the military service position of Andrei Bolotov in Königsberg, *Slovo.ru: baltic accent*, 11 (2), pp. 96–104. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8 (in Russ.).

Muratova, N.A. and Zhilicheva, G.A., 2022. Semiotics of the Train in Russian Literature: Intermedial and Metapoetical Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta], 24 (1), pp. 50–59. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-1-50-59 (in Russ.).

Rybicka, E., 2014. *Geopoetyka: Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków.

Shcheblykin, O., 2008. Writers have their own destiny: an interview with Thomas Venclova. In: O. Shcheblykin, ed. *Mir Iosifa Brodskogo. Poet v zakrytom garnizone* [The world of Iosif Brodsky. A poet in a closed garrison]. St. Petersburg, pp. 40–50 (in Russ.).

Timenchik, R.D., 1987. Towards the Symbolism of the Tram in Russian Poetry, In: *Simvol v sisteme kul'tury. Trudy po znakovym sistemam XXI* [A symbol in the cultural system. Works on sign systems XXI]. Tartu, pp. 135–143 (in Russ.).

Ventslova, T., 2012. The Konigsberg Text of Russian Literature and the Konigsberg Poems by Iosif Brodsky. In: T. Ventslova, ed. *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty* [Interlocutors at the feast: Literary works]. Moscow, pp. 235–254 (in Russ.).

Zamyatin, D.N., 2013. Metageography and geopoetics. In: I. Sid, ed. *Vvedenie v geopoetiku: antologiya* [Introduction to Geopoetics: An Anthology]. Moscow, pp. 154–157 (in Russ.).

The authors

Dr Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Alexey N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun, T.V., Chernyakov, A.N., 2022, The geopoetics of the city K.: the optics of perception, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 4, p. 111–123. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-8.

